RAISON, FOI ET PRIÈRE.
Trois lettres de L. Tolstoy.

Дубчик

Шк.

Л. Н. ТОЛСТОЙ.

О Разумѣ, Вѣрѣ и Молитвѣ

ТРИ ПИСЬМА.

НЕ ВЪ СИЛѢ БОГЪ,
А ВЪ ПРАВДѢ.

Изданіе „Свободнаго Слова“.

№ 71.

A. Tchertkoff.
Christchurch, Hants, England.
1901.

22b159

I.

... Вы спрашиваете — въ чемъ заключается мое христіанское вѣроисповѣданіе?

Вы читали „*Краткое Изложеніе Евангелія*“ и потому знаете, какъ я понимаю ученіе Христа.

Если же вы желаете знать, въ чемъ я вижу главный смыслъ ученія, то, по-моему, главный смыслъ ученія Христа, который я бы желалъ передать всѣмъ людямъ, въ которомъ желалъ бы, чтобы воспитывались всѣ дѣти, — состоитъ въ томъ, что *человѣкъ пришелъ въ міръ не по своей волѣ, а по волѣ Того, кто его послалъ въ міръ*. Для того же, чтобы человѣкъ зналъ то, чего отъ него хочетъ Тотъ, кто его послалъ въ міръ, — Онъ вложилъ въ него разумъ, посредствомъ котораго человѣкъ всегда, если онъ точно хочетъ этого, можетъ знать волю Бога, т. е. то, чего хочетъ отъ него Тотъ, кто послалъ его въ міръ.

Фарисеи и книжники нашего времени всегда говорятъ, что не надо вѣрить разуму, потому что онъ обманетъ, а надо вѣрить имъ, и они не обманутъ. Но они говорятъ неправду. Если вѣрить людямъ и, какъ сказано въ Евангеліи, преданіямъ человѣческимъ, то мы всѣ располземся въ разныя

стороны, какъ слѣпые щенята, и возненавидимъ другъ друга, какъ это и происходитъ теперь: христіанинъ-церковникъ ненавидитъ магометанина, магометанинъ христіанина, и самые христіане ненавидятъ другъ друга: православный католика, старовѣра, старовѣръ православнаго и т. д. Если же мы будемъ держаться того, что̀ говоритъ намъ разумъ, то всѣ соединимся, потому что разумъ у всѣхъ одинъ, и только разумъ соединяетъ людей и не мѣшаетъ проявленію свойственной людямъ любви другъ къ другу.

Разумъ соединяетъ не только людей, одновременно живущихъ, но соединяетъ насъ и съ людьми, жившими до насъ за тысячи лѣтъ, и съ тѣми, которые будутъ жить послѣ насъ. Такъ, мы пользуемся всѣмъ тѣмъ, что̀ произвелъ разумъ и Исаіи, и Христа, и Будды, и Сократа, и Конфуція, и всѣхъ людей, жившихъ до насъ, и вѣровавшихъ разуму и служившихъ ему. Поступай съ другими такъ, какъ ты хочешь, чтобы поступали съ тобой; не мсти людямъ, дѣлающимъ тебѣ зло, а плати добромъ за зло; будь воздержанъ, цѣломудренъ; не только не убивай людей, но не гнѣвайся на нихъ; соблюдай миръ со всѣми, и многое другое; — все это произведенія разума и все это проповѣдывалось одинаково и буддистами, и конфуціанами, и христіанами, и таосистами, и мудрецами греческими и египетскими, проповѣдуется и всѣми добрыми людьми нашего времени, и всѣ въ этомъ согласны.

И потому, повторяю, главный смыслъ христіанскаго ученія, по моему мнѣнію, состоитъ въ томъ, что̀ выражено въ Евангеліи въ притчѣ о виноградаряхъ, которымъ былъ данъ въ пользованіе садъ, за который они должны были платить хозяину, а они вообразили, что садъ ихъ собственный; и въ притчѣ о талантахъ. Смыслъ — въ томъ, что люди должны исполнять волю Того, кто ихъ послалъ въ жизнь, воля же эта въ томъ, чтобы люди, какъ

сказано въ другомъ мѣстѣ, были совершенны, какъ ихъ Отецъ небесный, т. е. приближались, сколько могутъ, къ этому высшему совершенству.

То, что въ этомъ только воля Бога, показываетъ намъ тоже разумъ и такъ ясно, что не можетъ быть никакого спора и сомнѣнія. Всякій подумавшій объ этомъ человѣкъ, не можетъ не видѣть, что во всѣхъ дѣлахъ жизни человѣкъ можетъ встрѣчать и встрѣчаетъ препятствія, и только въ одномъ дѣлѣ нѣтъ человѣку препятствій — въ томъ, чтобы совершенствоваться, очищать свою душу отъ зла и дѣлать добро всему живущему. Не прекращаетъ и не нарушаетъ, не мѣшаетъ этому дѣлу и смерть, прекращающая, нарушающая и лишающая смысла всякое другое, мірское дѣло. Не прекращаетъ и не нарушаетъ этого дѣла смерть потому, что человѣкъ, исполняющій волю Того, кто его послалъ, зная, что исполняемое имъ дѣло нужно хозяину, спокойно исполняетъ ее здѣсь до тѣхъ поръ, пока у него есть силы исполнять ее, и знаетъ, что смерть не уничтожаетъ ни его самого, ни его отношенія къ хозяину, а что и тамъ, хотя и въ совершенно другой формѣ, онъ будетъ въ той же зависимости отъ хозяина и будетъ имѣть ту же радость все бо̀льшаго и бо̀льшаго участія въ жизни и дѣлѣ хозяина т. е. Бога.

Такъ я понимаю ученіе Христа и такъ бы желалъ, чтобы понимали его всѣ и такъ бы воспитывались дѣти; чтобы они не вѣрили на слово тому, что̀ имъ говорятъ о Богѣ и о жизни, — чтобы вѣрили тому, чему вѣрятъ, не потому, что это выдается за изреченія пророковъ или Христа, а потому, что это говоритъ имъ ихъ разумъ. Разумъ старше и достовѣрнѣе всѣхъ писаній и преданій, онъ былъ уже тогда, когда не было никакихъ преданій и писаній, и онъ данъ каждому изъ насъ прямо отъ Бога.

Слова Евангелія о томъ, что всѣ грѣхи простят-

ся, но только не хула на святаго духа, по моему мнѣнію, относятся прямо къ утвержденію того, что разуму не надо вѣрить. Дѣйствительно, если не вѣрить разуму, данному намъ отъ Бога, то кому же вѣрить? Неужели тѣмъ людямъ, которые хотятъ заставить насъ вѣрить тому, что несогласно съ разумомъ, даннымъ отъ Бога...

II.

...Вы спрашиваете — что можетъ дать человѣку слабому и испорченному, развращенному, какъ всѣ мы, среди окружающихъ его со всѣхъ сторонъ соблазновъ, — что можетъ дать такому человѣку силу жить христіанской жизнью?

Вмѣсто того, чтобы отвѣчать, и прежде, чѣмъ отвѣчать на этотъ вопросъ, я спрошу, — что собственно онъ означаетъ? Мы такъ привыкли къ этому вопросу, что онъ кажется намъ вполнѣ естественнымъ и понятнымъ, а, между тѣмъ, вопросъ этотъ не только не естественъ и не понятенъ, но чрезвычайно удивителенъ и страненъ для всякаго разумнаго человѣка, не воспитаннаго въ суевѣріяхъ церковной вѣры.

Почему кузнецъ, кующій желѣзо, или пахарь, пашущій поле, не спрашиваетъ о томъ, откуда онъ возьметъ силы для исполненія предпринятаго дѣла, а дѣлаетъ его по мѣрѣ силъ своихъ; ошибается и старается поправить сдѣланную ошибку; устаетъ — останавливается, оставляетъ на время работу, отдыхаетъ и опять берется за нее? Развѣ не въ томъ же самомъ положеніи всякій рабъ Божій, старающійся жить христіанской жизнью — исполнять сознанную имъ волю Бога? Точно такъ же такой человѣкъ, если онъ искрененъ, будетъ по мѣрѣ силъ, жить христіанской жизнью, исполнять волю Бога и, если будетъ ошибаться, будетъ поправляться, и будетъ уставать, и отдыхать, и опять

браться за то же дѣло своей жизни: приближаться по мѣрѣ силъ къ тому совершенству Отца небеснаго, которое указано ему.

Вопросъ о томъ, гдѣ взять силы для христіанской жизни, показываетъ только то, что людей кто-то увѣрилъ въ томъ, что есть какія-то особенныя средства, посредствомъ которыхъ люди безъ своего ежечаснаго усилія борьбы, паденій, раскаянія, подъемовъ и опять паденій, и опять подъемовъ, могутъ получить нужныя имъ силы для хорошей, святой жизни. Это-то суевѣріе, что человѣкъ не собственными, медленными усиліями приближается къ совершенству, а можетъ сразу очиститься и стать святымъ, есть одно изъ самыхъ ужасныхъ и зловредныхъ заблужденій, и оно-то усиленно проповѣдуется всѣми церковными вѣрами. Одни увѣряютъ своихъ учениковъ, что посредствомъ таинствъ: крещенія, исповѣди, причастія — человѣкъ освобождается отъ грѣховъ; другіе утверждаютъ, что отъ грѣховъ освобождаетъ вѣра въ искупленіе, въ то, что Христосъ-Богъ своей кровью очистилъ насъ. И тѣ, и другіе учатъ, что кромѣ того очищаетъ насъ молитва просительная къ Богу о томъ, чтобы онъ простилъ намъ наши грѣхи и сдѣлалъ насъ хорошими, а не мы бы сами постарались стать лучшими.

Суевѣріе это очень вредно потому, что заключаетъ въ себѣ обманъ.

Обманъ, во-первыхъ, въ томъ, что человѣкъ можетъ сдѣлаться совсѣмъ чистымъ, святымъ, тогда какъ для живого человѣка это невозможно. Человѣкъ не можетъ быть совершеннымъ и безгрѣшнымъ, онъ можетъ только *болѣе или менѣе* приближаться къ совершенству, полагая въ этомъ приближеніи весь смыслъ своей жизни. (Я даже думаю, что жизнь послѣ смерти будетъ состоять, хотя и въ совершенно другомъ видѣ, но опять только въ приближеніи къ совершенству). Въ этомъ личномъ

усиліи къ совершенству весь смыслъ и радость жизни. И потому, если бы совершенство достигалось внѣшними средствами, мы бы были лишены самой сущности жизни.

Обманъ, во-вторыхъ, въ томъ, что силы человѣка отвлекаются отъ того, что̀ ему нужно дѣлать, — работать надъ собой, — и направляются на то, что̀ не нужно дѣлать. Полагаться на то, что таинства, или вѣра въ искупленіе, или молитва будутъ содѣйствовать нашему сорершенствованію, все равно, что кузнецу, когда у него въ рукахъ желѣзо и молотъ, и есть наковальня, и горно разожжено, придумывать, — помимо того, чтобы бить молотомъ по желѣзу, — средство ковать его, или просить Бога о томъ, чтобы Онъ далъ ему силы работать.

Просить Бога и придумывать средства, какъ совершенствоваться, можно бы было только тогда, когда бы намъ были поставлены какія-либо преграды для этого дѣла, и мы сами не имѣли бы для этого силъ. Въ дѣлѣ совершенствованія, или христіанской жизни, или исполненія воли Бога, Богъ не требуетъ отъ насъ того, чего мы не можемъ дѣлать, а, напротивъ, Онъ озаботился о томъ, чтобы дать намъ все, что̀ намъ нужно для исполненія Его воли.

Мы здѣсь въ этомъ мірѣ, какъ на постояломъ дворѣ, въ которомъ хозяинъ устроилъ все, что̀ намъ, путешественникамъ, точно нужно, и самъ ушелъ, оставивъ наставленіе, какъ намъ вести себя въ этомъ временномъ пріютѣ. Все, что̀ намъ нужно, у насъ подъ руками; такъ какія же намъ еще придумывать средства и о чемъ просить? Только бы исполнить то, что̀ намъ предписано. Такъ и въ нашемъ духовномъ мірѣ — все нужное намъ дано намъ, и дѣло только за нами.

Понятно, что, если мы хотимъ быть сразу святыми, или чувствовать себя оправданными и, кромѣ того, еще богатыми, — хотимъ, чтобы наши друзья

и мы сами не болѣли и не умирали, чтобы у насъ были всегда хорошіе урожаи, и чтобы враги наши были уничтожены, — то намъ тоже надо просить обо всемъ этомъ Бога, какъ просятъ объ этомъ въ нашихъ церквахъ. Но вѣдь Богъ ничего этого не предназначалъ намъ; Онъ не только не предписалъ намъ быть праведными и безгрѣшными, но, напротивъ, далъ намъ жизнь, смыслъ которой только въ томъ, чтобы мы сами освобождались отъ своихъ грѣховъ и приближались къ Нему; и не предназначилъ насъ быть богатыми, безболѣзненными и безсмертными, а далъ намъ испытанія: бѣдность, болѣзни, смерть друзей и свою, именно затѣмъ, чтобы научить полагать свою жизнь не въ богатствѣ, здоровьѣ и этой временной жизни, а въ служеніи Ему; и далъ намъ враговъ не затѣмъ, чтобы мы желали ихъ погибели, а затѣмъ, чтобы мы научились уничтожать враговъ любовью; далъ намъ такой законъ, при которомъ намъ всегда хорошо, если мы исполняемъ его. Такъ что придумывать какія-то особенныя средства спасенія и просить Бога намъ не о чемъ. Все, что̀ намъ нужно, дано намъ, если мы только слѣдуемъ указаніямъ и нашей совѣсти, и Бога, выраженнымъ въ Евангеліи.

Въ-третьихъ, обманъ въ томъ, и особенно этимъ вреденъ, что люди, повѣрившіе въ то, что они своими силами не могутъ исполнять волю Бога и жить хорошо, — перестаютъ работать надъ собою и не только перестаютъ работать, но теряютъ возможность совершенствоваться. Стоитъ человѣку увѣриться, что онъ не можетъ сдѣлать того, что̀ ему нужно дѣлать, и у него опустятся руки, и онъ дѣйствительно будетъ не въ состояніи сдѣлать нужное. Стоитъ увѣриться, что человѣкъ боленъ, и онъ станетъ боленъ. Порченые отъ того кричатъ, что они вѣрятъ, что̀ они порченые. Пьющіе запоемъ отъ того не исправляются, что увѣрены, что они не могутъ воздержаться. Нѣтъ болѣе безнрав-

ственнаго и вреднаго ученія, какъ то, что человѣкъ не можетъ совершенствоваться своими силами.

Это разсужденіе о томъ, что для доброй христіанской жизни недостаточно своихъ усилій, а необходима какая-то внѣшняя сила, совершенно подобно тому, по которому, (о чемъ я писалъ вамъ въ первомъ письмѣ), недостаточно разума для познанія истины, а необходимы внѣшнія несомнѣнныя доказательства. Тамъ впередъ предполагается, что есть что-то такое, что̀ можетъ дать человѣку силы жить христіанской жизнью и исполнять волю Бога; тутъ же впередъ предполагается, что есть что-то такое, по чему человѣкъ можетъ навѣрное узнать, что то̀, что̀ ему говорится, есть несомнѣнная истина. Предполагается, что существуетъ какое-то средство познать истину помимо личнаго усилія разума, и — истину полную, совершенную. Но вѣдь это такъ же невозможно, какъ увидать свѣтъ безъ глазъ. Истина есть то, что̀ познается усиліями и ничѣмъ другимъ познаваться не можетъ. И истина, познаваемая разумомъ человѣческимъ, никогда совершенною быть не можетъ, а только болѣе или менѣе приближается къ совершенной истинѣ. Такъ что истина можетъ быть высшей, доступной въ данное время человѣку, истиной; но никогда не можетъ быть совершенной на всѣ времена, несомнѣнной истиной. Никакое положеніе не можетъ быть такой совершенной на всѣ времена истиной уже по тому одному, что жизнь, какъ всего человѣчества, такъ и каждаго отдѣльнаго человѣка, вся проходитъ и даже состоитъ въ достиженіи все болѣе и болѣе совершенной истины.

Превратное и нелѣпое понятіе о томъ, что человѣческій разумъ своими усиліями не можетъ приближаться къ истинѣ, происходитъ отъ такого же ужаснаго суевѣрія, какъ и то, по которому человѣкъ не можетъ безъ помощи извнѣ приближаться къ исполненію воли Бога. Сущность этого суевѣ-

рія въ томъ, что полная совершенная истина, будто бы, открыта самимъ Богомъ: для евреевъ она открыта на горѣ Синаѣ, а потомъ разными пророками; для христіанъ она открыта Христомъ, апостолами, соборами, церковью; для браминовъ открыта въ Ведахъ; для буддистовъ въ Трипитакѣ; для магометанъ въ Коранѣ. Суевѣріе это ужасно, во-первыхъ, потому что оно извращаетъ самое понятіе объ истинѣ; во-вторыхъ, потому что, разъ признавъ за несомнѣнную истину всѣ тѣ нелѣпости и гадости, которыя приняты за откровеніе Бога въ писаніяхъ, приходится еще болѣе извращать здравый смыслъ, чтобы оправдать всѣ эти гадости и глупости; а въ-третьихъ, потому что, признавъ источникомъ истины непогрѣшимое внѣшнее откровеніе, человѣкъ перестаетъ вѣрить единственному средству познанія истины — усиліямъ своего разума. Человѣкъ, поступающій такъ, дѣлаетъ то же, что сдѣлалъ бы человѣкъ, отыскивающій путь, если бы онъ вмѣсто того, чтобы дѣлать всевозможныя усилія для узнанія пути, закрылъ бы глаза и отдался руководству того человѣка, который первый взялся бы проводить его.

Говорятъ: какъ же вѣрить разуму, когда мы видимъ, что люди, руководимые разумомъ, ошибаются? Люди, руководимые разумомъ — протестанты, расходятся на безчисленное количество вѣръ, и даже одинъ и тотъ же человѣкъ, довѣряясь своему разуму, переходитъ отъ одного ученія къ другому. Стало быть, говорятъ, разумъ можетъ ошибаться, и нельзя довѣрять ему.

Почему же? Когда человѣкъ вѣрилъ въ одно что-нибудь, и разумъ его не указывалъ ему ничего болѣе истиннаго, онъ познавалъ высшую для него истину и былъ правъ; потомъ онъ позналъ болѣе высокую истину и былъ правъ, признавая ее. Точно такъ же онъ былъ правъ, познавъ еще болѣе высокую или чистую истину. То, выше, яснѣе, ис-

тиннѣй чего человѣкъ не можетъ видѣть и представить себѣ, — то для него и есть истина.

Очень можетъ быть, что было бы очень хорошо и желательно, чтобы люди всѣ сразу познали бы одну и ту же совершенную истину, (хотя, если бы это было, то жизнь прекратилась бы); но если и допустить, что это было бы желательно, то вѣдь не все дѣлается такъ, какъ мы желаемъ. Очень можетъ быть, желательно неразумнымъ людямъ, чтобы люди не болѣли, или чтобы было средство, которое лѣчило бы отъ всѣхъ болѣзней, или чтобы всѣ люди говорили на одномъ языкѣ; но вѣдь это не сдѣлается отъ того, что мы вообразимъ, что всѣ люди вылечиваются отъ нашего лекарства, или всѣ говорятъ и понимаютъ по русски. Если мы вообразимъ это, то только самимъ себѣ сдѣлаемъ хуже, такъ же какъ мы самимъ себѣ дѣлаемъ хуже, когда воображаемъ, что вся полная и вѣчная истина открыта намъ въ писаніи, преданіи или церкви. Воображать это еще можно было при началѣ христіанства, когда единая вѣра казалась возможною; но въ наше время, когда рядомъ съ нами мы можемъ видѣть людей разнообразнѣйшихъ вѣроученій, которые всѣ воображаютъ, что истина полная и вѣчная открыта имъ, а не намъ, — воображать себѣ, что мы именно, родившіеся въ своей вѣрѣ, обладаемъ полной истиной, какъ это воображаютъ буддисты, магометане, католики, таоссисты и другіе, — особенно глупо. Особенно же вредно такое ложное воображеніе потому, что оно болѣе всего другого разъединяетъ людей. Люди должны бы все болѣе и болѣе соединяться, какъ учитъ Христосъ, и какъ это указываетъ намъ нашъ разумъ и сердце, а такія ученія объ откровеніяхъ болѣе всего разъединяютъ людей.

Кромѣ того надо понять и то, что если человѣкъ вѣритъ въ откровеніе, то и тогда онъ вѣритъ только потому, что разумъ его сказалъ ему, что надо вѣ-

рить въ такое или такое откровеніе — въ магометанское, буддійское или христіанское. Хотимъ мы этого или не хотимъ, помимо разума никакая истина не можетъ войти въ душу человѣка. Разумъ все равно, что грохотъ или сито, которое прилажено къ молотилкѣ и вѣялкѣ такъ, что зерно нельзя получить иначе, какъ черезъ этотъ грохотъ. Можетъ быть, сквозь грохотъ проходилъ и проходитъ соръ, но другого средства получить зерно — нѣтъ. Если же мы вообразимъ, что у насъ можетъ быть чистое зерно безъ просѣвки, то мы обманемъ сами себя и будемъ питаться соромъ вмѣсто хлѣба, какъ это и происходитъ съ церковниками.

Такъ что не надо воображать, что все дѣлается, какъ мы хотѣли бы, а надо понимать, что все дѣлается такъ, какъ это установлено Богомъ. А установлена Богомъ жизнь человѣческая такъ, что люди не могутъ познать всей истины, а постоянно приближаются къ ней и, познавая яснѣе и яснѣе единую истину, — все болѣе и болѣе сближаются между собою.

Вы еще спрашиваете мое сужденіе о личности Христа, считаю ли я его Богомъ; о его рожденіи, о загробной жизни, о томъ, кого я разумѣю подъ фарисеями и книжниками, и о причащеніи.

Христа я считаю такимъ же человѣкомъ, какъ и всѣ мы, считать же его Богомъ — считаю величайшимъ кощунствомъ и явнымъ доказательствомъ язычества. Признать Христа Богомъ — есть отреченіе отъ Бога.

Христа я считаю человѣкомъ, но его ученіе почитаю божескимъ настолько, насколько оно выражаетъ божескія истины. Я не знаю выше ученія. Оно дало мнѣ жизнь, и я стараюсь, сколько могу, слѣдовать ему.

О рожденіи Христа ничего не знаю, да и не нуждаюсь знать.

О загробной жизни мы знаемъ, что она есть,

что жизнь не кончается смертью; о томъ же, какая будетъ та жизнь, намъ знать не дано, потому что и не нужно намъ.

Подъ фарисеями я разумѣю преимущественно духовенство, подъ книжниками — разумѣю ученыхъ, не вѣрующихъ въ Бога.

На счетъ яденія тѣла и питія крови — думаю, что мѣсто это въ Евангеліи самое неважное и означаетъ или усвоеніе ученія, или воспоминаніе, но ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ не имѣетъ важности и ни въ какомъ случаѣ не значитъ то, что̀ подразумѣваютъ церковные изувѣры. Я, какъ умѣлъ, изложилъ мое пониманіе этого мѣста въ „*Краткомъ Изложеніи Евангелія*“.

III.

Въ послѣднемъ письмѣ моемъ я писалъ о безполезности молитвы, какъ для осуществленія нашихъ желаній по отношенію событій внѣшняго міра, точно такъ же и для внутренняго міра — для своего усовершенствованія. Боюсь, что по моей винѣ вы не такъ поймете меня, какъ б[illegible] я хотѣлъ, и потому добавлю здѣсь кое-что объ этомъ предметѣ — именно о молитвѣ.

О внѣшнихъ событіяхъ: о томъ, чтобы пошелъ дождь, или былъ живъ любимый мною человѣкъ, или я былъ здоровъ и не умеръ, — нельзя молиться потому, что эти событія происходятъ по законамъ, установленнымъ Богомъ разъ навсегда, и такъ, что, если мы поступаемъ, какъ должно, то они всегда благодѣтельны для насъ. Все равно, какъ если бы добрый человѣкъ построилъ мнѣ домъ съ крѣпкими стѣнами и крышей, защищающими меня, а я бы по прихоти своей желалъ расширить или перемѣнить положеніе стѣнъ и просилъ бы объ этомъ.

О внутреннемъ же своемъ совершенствованіи

нельзя молиться потому, что намъ дано все то, что̀ нужно для нашего совершенствованія, и прибавлять къ этому ничего не нужно и нельзя.

Но то, что просительная молитва не имѣетъ смысла, не значитъ того, что нельзя и не нужно молиться. Напротивъ, я считаю, что невозможно жить хорошо безъ молитвы, и что молитва есть необходимое условіе и доброй, и спокойной, и счастливой жизни. Въ Евангеліи указано, какъ должно молиться, и въ чемъ должна состоять молитва.

Въ каждомъ человѣкѣ есть искра Божія, духъ Божій, каждый человѣкъ есть сынъ Божій. Молитва состоитъ въ томъ, чтобы, отрѣшившись отъ всего мірского, отъ всего, что̀ можетъ развлекать мои чувства, (магометане прекрасно дѣлаютъ, когда, входя въ мечеть или начиная молиться, закрываютъ пальцами глаза и уши), вызвать въ себѣ божеское начало. Самое лучшее для этого то, чему учитъ Христосъ: войти одному въ клѣть и затвориться, т. е. молиться въ полномъ уединеніи, будетъ ли оно въ клѣти, въ лѣсу или въ полѣ. Молитва въ томъ, чтобы, отрѣшившись отъ всего мірского, внѣшняго, — вызвать въ себѣ божественную часть своей души, перенестись въ нее, посредствомъ нея вступить въ общеніе съ Тѣмъ, Кого она есть частица, сознать себя рабомъ Бога и провѣрить свою душу, свои поступки, свои желанія по требованіямъ не внѣшнихъ условій міра, а этой божественной части души.

И такая молитва бываетъ не праздное умиленіе и возбужденіе, которое производятъ молитвы общественныя съ ихъ пѣніемъ, картинами, освѣщеніями и проповѣдями, а всегда помогаетъ жизни, измѣняя и направляя ее. Такая молитва есть исповѣдь, повѣрка прежнихъ и указаніе направленія будущихъ поступковъ. Положимъ, меня оскорбили, и я питаю недоброжелательство къ человѣку и желаю ему зла, или не желаю сдѣлать ему то добро,

которое могу; или я потерялъ имущество, или любимаго человѣка; или живу, поступая несогласно со своей вѣрой. Если я не молюсь по настоящему, а продолжаю жить въ разсѣяніи — я не избавлюсь отъ того мучительнаго чувства недоброжелательства къ оскорбителю; точно такъ же потеря имущества или любимаго человѣка будетъ отравлять мнѣ жизнь; и, собираясь поступить не такъ, какъ мнѣ велитъ моя совѣсть, я буду тревоженъ. Но если я самъ съ собой и съ Богомъ провѣрю себя, — все измѣнится, я обвиню себя, а не врага, и буду искать случая сдѣлать ему добро; потери свои я приму, какъ испытаніе, и буду стараться съ покорностью переносить ихъ и въ томъ найду утѣшеніе; и въ поступкахъ своихъ разберусь: не буду, какъ прежде, скрывать отъ себя то несоотвѣтствіе моей жизни съ моей вѣрой, а буду, каясь, стараться привести ихъ къ единству, и въ этомъ стараніи найду успокоеніе и радость.

Но вы спросите: въ чемъ же должна состоять молитва?

Христосъ далъ намъ образецъ молитвы въ „*Отче нашъ*“, и молитва эта, — напоминая намъ сущность нашей жизни, состоящую въ томъ, чтобы быть въ волѣ Отца и исполнять ее, и самые обычные грѣхи наши: осужденіе и непрощеніе братьевъ, и главныя опасности нашей жизни, искушенія, — до сихъ поръ остается лучшей молитвой и самой полной изъ всѣхъ, какія я знаю.

Но, кромѣ этой молитвы, истинная, уединенная молитва состоитъ еще изъ всего того, что въ словахъ другихъ мудрыхъ и святыхъ людей, или въ своихъ собственныхъ, возвращаетъ нашу душу къ сознанію своего божескаго начала, къ болѣе живому и ясному выраженію требованій своей совѣсти, т. е. божеской природы.

Молитва есть повѣрка по высшимъ требованіямъ души своихъ прошедшихъ и настоящихъ поступковъ.

Такъ что молитву, уединенную и возстанавливающую божественность души, я не только не отрицаю, но считаю необходимымъ условіемъ жизни духовной, т. е. истинной. Отрицаю я молитву просительную и молитву общественную, кощунственную — съ пѣніемъ, образами, свѣчами и даже представленіями.

Я часто удивляюсь, какимъ образомъ можетъ существовать эта общественная и просительная молитва среди людей, называющихъ себя христіанами, когда Христосъ прямо и положительно сказалъ, что молиться должно уединенно и что просить ни о чемъ не нужно, потому что „прежде чѣмъ откроешь ротъ, Отецъ вашъ знаетъ, что̀ вамъ нужно“.

Про себя я вамъ скажу, — вовсе не думая о томъ, что это для всѣхъ хорошо и такъ нужно всѣмъ дѣлать, — что я уже давно взялъ привычку молиться каждый день поутру въ уединеніи. И эта моя ежедневная молитва такова:

Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ, да святится имя Твое. И послѣ этого я прибавляю изъ Евангелія Іоанна: Имя Твое есть любовь, Богъ есть любовь. Пребывающій въ любви пребываетъ въ Богѣ, и Богъ въ немъ. Бога никто не видитъ нигдѣ, но если мы любимъ другъ друга, то Онъ пребываетъ въ насъ, и любовь Его въ насъ совершилась. Если кто говоритъ: люблю Бога, но брата своего ненавидитъ, тотъ лжецъ, ибо не любящій брата своего, котораго видитъ, какъ можетъ онъ любить Бога, котораго не видитъ. Братья, будемъ любить другъ друга, любовь отъ Бога, и любящій каждый отъ Бога и знаетъ Бога, потому что Богъ есть любовь.

Да пріидетъ царствіе Твое. И я прибавляю: ищите царствія Божія и правды Его, а остальное приложится вамъ. Царствіе Божіе внутри васъ есть.

Да будетъ воля Твоя, яко же на небеси такъ и на земли. И при этомъ спрашиваю себя: точно ли я вѣрю въ то, что я въ Богѣ и Богъ во мнѣ? И вѣрю ли я въ то, что жизнь моя въ томъ, чтобы увеличивать въ себѣ любовь? Спрашиваю себя: помню ли то, что я нынче живъ, а завтра померъ? Правда ли то, что я не хочу жить для похоти личной и для славы людской, а только для исполненія воли Бога? И прибавляю слова Христа изъ 3-хъ Евангелій: не моя воля да будетъ, но Твоя, и не то, что̀ я хочу, а то, что̀ Ты хочешь, и не такъ, какъ я хочу, а такъ, какъ Ты хочешь.

Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь. Прибавляю: пища моя въ томъ, чтобы творить волю пославшаго меня и сотворить волю Его. Отвергнись отъ себя, возьми крестъ свой на каждый день и слѣдуй за мной. Возьмите иго мое на себя и научитесь отъ меня, яко кротокъ, смиренъ сердцемъ, и найдете покой душамъ вашимъ, ибо иго мое благо и бремя мое легко.

И остави намъ долги наши, яко же мы оставляемъ должникамъ нашимъ. Прибавляю: и не проститъ вамъ Отецъ вашъ прегрѣшеній вашихъ, если каждый изъ васъ не проститъ брату своему всѣхъ прегрѣшеній его.

И не введи насъ во искушеніе. Прибавляю: берегись искушеній — похоти, тщеславія, нелюбви, объяденія, блуда, славы людской. Не твори милостыни передъ людьми, но чтобы лѣвая рука не знала, что̀ дѣлаетъ правая. И ненадеженъ для царствія Божія взявшійся за плугъ и оглядывающійся назадъ. Радуйся тому, что тебя ругаютъ и срамятъ.

Но избави насъ отъ лукаваго. Прибавляю: берегись зла, выходящаго изъ сердца: злые помыслы, убійства (всякое недоброжелательство къ человѣку), кражи (пользованія тѣмъ, что̀ не заработалъ), любодѣянія, прелюбодѣянія (хотя и мысленно), лжесвидѣтельства, хуленія.

Заключаю молитву опять словами Евангелія Іоанна: *И мы знаемъ, что мы перешли отъ смерти въ жизнь, если любимъ брата своего. Нелюбящій брата своего не имѣетъ жизни вѣчной, пребывающей въ немъ.*

Такъ я молюсь каждый день, примѣняя къ своимъ дѣламъ и своему душевному состоянію слова этой молитвы. Иногда болѣе задушевно, иногда менѣе.

Но кромѣ этой молитвы я молюсь еще, когда одинъ самъ съ собой, — читаю мысли мудрыхъ и святыхъ людей, не однихъ христіанъ и не однихъ древнихъ, и думаю, отыскивая передъ Богомъ то дурное, что̀ есть въ моемъ сердцѣ, и стараюсь вырвать его.

Стараюсь также молиться и въ жизни, когда я съ людьми, и меня захватываютъ страсти. Вотъ тутъ я стараюсь вспомнить то, что̀ происходило въ моей душѣ во время молитвы уединенной, и чѣмъ искреннѣе была молитва, тѣмъ легче удерживаюсь отъ дурного.

Вотъ все, что̀ я хотѣлъ сказать вамъ о молитвѣ, чтобы вы не думали, что я отрицаю ее.

Братъ вашъ *Левъ Толстой.*

Москва, 8 января 1901 г.

ИЗДАНІЯ „СВОБОДНАГО СЛОВА“.

A. Tchertkoff, Christchurch, Hants, England.

Отдѣльныя сочиненія Л. Н. Толстого:

		Р.	К.
6.	Какъ читать Евангеліе, и въ чемъ его сущность? *Л. Н. Толстого.* (2-ое изданіе.)	—	12
7.	Приближеніе Конца. *Л. Н. Толстого.*	—	12
8.	Объ отношеніи къ государству. (2-ое изданіе.) (3 письма: къ либераламъ и друг.) *Л. Н. Толстого.*	—	20
9.	Царство Божіе внутри васъ. *Его же.*	1	—
10.	Христіанское ученіе. (2-ое изданіе.) *Его же.*	—	50
12.	Голодъ или не голодъ? *Л. Н. Толстого.*	—	10
18.	Николай Палкинъ. — Работникъ Емельянъ и пустой барабанъ. Дорого стоитъ. *Л. Н. Толстого.*	—	20
21.	Воскресеніе. Романъ *Л. Н. Толстого.* Четвертое изданіе. Съ иллюстраціями. Въ переплетѣ.	5	—
	Пятое изданіе. Въ одномъ томѣ.	1	50
22.	Листки Свободнаго Слова, № 4. „Стыдно“. *Л. Н. Толстого.*	—	5
23.	Листки Свободнаго Слова, № 5. Письмо къ фельдфебелю. *Л. Н. Толстого.*	—	5
31.	Листки Свободнаго Слова, № 11. Левъ Николаевичъ Толстой. Свѣдѣнія о немъ и отрывки изъ его писаній. (Экзекуція. Въ казематѣ, и др.)	—	10
32.	Листки Свободнаго Слова, № 12. Два письма Л. Н. Толстого. (О религіозномъ воспитаніи и церковномъ обманѣ).	—	10
34.	Жизнь и ученіе Іисуса. *Л. Н. Толстого.*	—	25
38.	Листки Свободнаго Слова, № 16. Патріотизмъ и правительство. *Л. Н. Толстого.*	—	20
40.	Мысли о Богѣ. *Л. Н. Толстого.*	—	30
42.	Листки Свободнаго Слова, № 17. „Не убій“. *Л. Н. Толстого.* По поводу убійства короля Гумберта.	—	10
43.	Рабство нашего времени. *Л. Н. Толстого.*	—	50
44.	Листки Свободнаго Слова, № 18. Гдѣ выходъ?. *Л. Н. Толстого* и выдержки изъ его писемъ за 1900 г.	—	15
45.	Неужели это такъ надо? *Л. Н. Толстого.*	—	30
56.	О смыслѣ жизни. Мысли *Л. Н. Толстого.*	—	40
57.	Листки Свободнаго Слова, № 20. Царю и его помощникамъ. Обращеніе *Л. Н. Толстого.*	—	15
59.	Листки Свободнаго Слова, № 22. Отвѣтъ Синоду Льва Николаевича Толстого.	—	15
61.	Изложеніе Евангелія. Съ примѣчаніями, взятыми изъ книги „Соединеніе и переводъ 4-хъ Евангелій“. *Л. Н. Толстого.*	1	50
62.	О половомъ вопросѣ. Мысли *Л. Н. Толстого.*	—	50
66.	Листки Свободнаго Слова, № 24. Единственное средство. *Л. Н. Толстого.*	—	30